

- *Половые, возрастные и ролевые различия в коммуникационных реакциях на ситуацию, вызывающую ревность*
- *Склонность играть как объект исследования*
- *Влияние структурных компонентов экокультурного и деформирующего типов образовательной среды на профессиональную деформацию педагогов*

УДК 159.923

Половые, возрастные и ролевые различия в коммуникационных реакциях на ситуацию, вызывающую ревность

И. А. Фурманов, доктор психологических наук, профессор*

В статье изучаются интерактивные и поведенческие реакции в ситуации ревности в зависимости от пола, возраста и роли в партнерских отношениях в период ранней взрослости. Исследования показывают, что вне зависимости от пола, возраста и роли в ситуации ревности чаще всего используются реакции интегративной коммуникации и компенсации / замещения. В ситуациях, вызывающих ревность, активность мужчин направлена на конкурента, а у женщин — на партнера. У более молодых партнеров активность направлена на налаживание продуктивной коммуникации с партнером, а у более старших — на изменение собственного поведения. В романтических отношениях реакция на ситуацию ревности определяется ценностью партнера, а в супружеских — ценностью отношений.

Ключевые слова: ревность, коммуникационные реакции на ревность, партнерские и супружеские отношения.

Sexual, Age and Role Differents in Communicative Reactions to a Situation Provoked Jealousy

I. A. Fourmanov, PhD in Psychology, Professor

In article are studied interactive and behavioral reactions to jealousy situation of depending on a sex, age and a role in partner relations in early adulthood. The study suggest that the reactions of integrative communications and compensation / substitution are more often used without dependence from a sex, age and role in jealousy situation. In the situations provoked jealousy, men's activity is directed on the rival, and at women — on the partner. At younger partners activity is directed on adjustment of productive communications with the partner, and at more older — on change of own behavior. In romantic relations reaction to a jealousy situation is defined by value of the partner, and in marriage — value of relations.

Keywords: jealousy, communicative reactions to jealousy, partner and marriage relations.

Ревность возникает в случае угрозы или фактической потери ценных, значимых отношений с другим человеком, из-за существования реального или воображаемого конкурента [1, 2]. В целом ревность связана с негативными отношениями, приводящими к конфликтам, насилию в семье и разводам [3, 4, 5]. Поэтому многие авторы трактуют ревность скорее как негативное явление. Ревность может не только вести к ненадежности отношений и конфликтам, но также и заставить не склонного к ревности партнера чувствовать себя подозреваемым и контролирующим. Кроме

того, качество отношений может быть отрицательно связано с ревностью еще и потому, что несчастливые индивиды, скорее всего, будут иметь экстрадиадические любовные связи на стороне и, как следствие, будут вызывать ревность у своих партнеров [6, 7]. На негативные взаимосвязи между ревностью и качеством отношений указывается и в других исследованиях [8, 9, 10, 11].

Другие авторы, напротив, полагают, что ревность может играть и позитивную роль в отношениях [4, 12]. Они утверждают, что ревность является индикатором того, что романтические партнеры

* Заведующий кафедрой психологии ФФСН БГУ.

беспокоятся друг о друге и оценивают свои отношения достаточно высоко, чтобы защитить их. Действительно, некоторые исследования выявили наличие положительной связи ревности с качеством отношений. Например, E. W. Mathes [13] обнаружил, что индивиды, которые имели высокие показатели ревности, характеризовали свои отношения с партнерами как более устойчивые и успешные, чем индивиды, которые имели низкие показатели ревности. В подобных исследованиях R. J. Rydell, A. R. McConnell и R. G. Bringle [14] установили, что индивиды, проявляющие в отношениях верность и преданность, отличались более высоким уровнем ревности.

Ревность имеет структуру, состоящую из трех взаимосвязанных компонентов — когний, эмоций и поведения. Как отмечают G. L. White и P. E. Mullen [15], обычно это мысли о мести и сравнение себя с конкурентом, чувства гнева и ярости и действия с намерением разрушить конкурентные отношения. При этом, как полагает S. W. Duck [16], ревнивое поведение представляет собой не просто одно отдельное действие, а скорее является межличностной диадной активностью, предполагающей как интерактивную вовлеченность, так и коммуникативные последствия. В этом смысле романтические и супружеские отношения представляют собой весьма «плодотворную почву» для возникновения и протекания ревнивых отношений между партнерами.

Романтические отношения — это диадные отношения, предполагающие взаимодействие партнеров с целью продолжать отношения до тех пор, пока один или другой партнер не прервет отношения или пока не будут установлены другие формы отношений (сожительство, помолвка, брак) [17]. Данный вид отношений включает различные компоненты: выраженную взаимную направленность партнеров друг на друга; наличие реальных непосредственных или опосредованных контактов; выраженную эмоциональную вовлеченность, определяющую специфику отношений; интимность [18]. Таким образом, романтические отношения — это непрерывный процесс взаимодействия между двумя партнерами, которые признают определенную связь друг с другом. Романтические отношения характеризуются добровольностью, то есть возникают на основании личного выбора субъекта и могут быть завершены по усмотрению одного или обоих партнеров. Еще одной важной характеристикой является аттракция, привлекательность партнера, которая зачастую может приобретать форму страсти и мотивировать к сексуальной близости.

Супружеские (брачные) отношения — социально или ритуально признанные легальные отноше-

ния между супругами, которые регламентированы определенными правами, определяющими взаимодействие между ними, между ними и их детьми и ближайшими родственниками. Основной отличительной особенностью супружеских отношений от романтических является то, что эти отношения являются зарегистрированными, т. е. оформленными в соответствующих органах государственной власти. Помимо этого в супружеских отношениях могут отсутствовать некоторые компоненты, характерные для романтических отношений.

Исследования показывают, что существуют различия в проявлениях ревности в романтических и супружеских отношениях. В частности, было установлено, что ревность более распространена в романтических отношениях нежели в брачных [19, 20]. В брачных отношениях партнеры, вероятнее всего, чувствуют себя более спокойными и уверенными и поэтому меньше волнуются о конкурентах. При романтических отношениях, напротив, более вероятно, что партнеры пребывают в неизвестности по поводу намерений и действий друг друга, а также будущности их отношений [21]. C. Kennedy-Lightsey и M. Booth-Butterfield [22] обнаружили различия в мотивах ревности в романтических и супружеских отношениях и установили, что ситуация романтических отношений чаще вызывает ревность и чувство беспокойства, чем ситуация брачных отношений.

Помимо этого в целом ряде исследований уделяется внимание гендерным различиям в реакциях ревности. Чаще всего феномен ревности в романтических и супружеских отношениях рассматривается с позиций социокультурного и эволюционного подходов. В социокультурном подходе [23, 24, 25, 26] ревность понимается как культурное явление, и поэтому половые различия в ревности определяются социальными факторами под влиянием социальных норм, которые обуславливают ситуации, вызывающие ревность и соответствующие реакции. Согласно эволюционному подходу [27] ревность является врожденной и универсальной реакцией, сформированной различными эволюционными силами, и поэтому половые различия в ревности представляют собой результат существенной асимметрии в мужской и женской родительской уверенности. Вместе с тем в исследованиях представителей как одного, так и другого подходов были получены и противоречивые данные. Например, некоторые установили, что мужчины более ревнивы, чем женщины [28], а другие — что женщины более ревнивы, чем мужчины [23, 24, 29, 30].

Указанная разноречивость данных о различиях в реакциях на ревность романтического партнера

или супруга и стала основанием для проведения данного исследования.

Методика

В последние годы специалисты в области коммуникации стали проявлять особый интерес к коммуникационным аспектам, или «защитным реакциям» индивидов на переживания ревности. Как отмечается, коммуникационное реагирование в ситуации ревности выполняет по крайней мере три важные функции в межличностных отношениях [33].

Во-первых, коммуникация может помочь испытывающим ревность индивидам уменьшить неопределенность в первоначальных и / или нарушенных отношениях.

Центральный принцип теории редукции неопределенности — то, что люди чувствуют себя некомфортно, когда они сталкиваются с чрезмерной неопределенностью, и, таким образом, они чрезмерно мотивированы, чтобы вернуть определенность, ища информацию и взаимодействуя с другими людьми. Действительно, ситуация, вызвавшая ревность, заставляет индивида столкнуться с дилеммой: отношения, которые обычно обеспечивали безопасность, теперь начинают тревожить своей неопределенностью, особенно относительно будущего отношений и соответствующего межличностного поведения. Исследования показали, что вызывающие ревность ситуации увеличивают мотивацию, чтобы снизить неопределенность. Уровни неопределенности воздействуют на выражение ревности и тем самым мотивируют индивидов к более активной коммуникации с их партнерами. Кроме того, вероятно, что ревность, вызванная неопределенностью, приводит к коммуникации, нацеленной на обдумывание и прояснение характера первоначальных и конкурирующих отношений, и поэтому может быть нацелена и на партнера по отношениям, и на конкурента.

Во-вторых, коммуникация может быть эффективным инструментом для поддержания и / или восстановления первоначальных отношений после того, как возникла ревность.

Литература, посвященная поддержанию межличностных отношений, переполнена примерами нарушений отношений, которые приводят к усилиям по их восстановлению. События, вызывающие ревность, могут быть оценены как нарушение отношений, которое должно быть объяснено, предотвращено и / или оговорено, если отношения должны продолжиться. Действительно, было установлено, что экстрадиадические любовные связи и романтический интерес к «третьему лишнему» расцениваются как две самых сильных причины

нарушения отношений. В ряде исследований [1, 24] утверждается, что дискуссия о правилах отношений в части привилегированности и взаимозависимости может предотвратить или деинтенсифицировать ревность и поможет в стабилизации отношений.

В-третьих, коммуникация часто является необходимым компонентом в спасении репутации или восстановлении самооценки после того, как создалась ситуация, спровоцировавшая ревнивую реакцию.

Теория социального сравнения доказывает, что индивиды сравнивают себя с другими, чтобы укрепить или поддержать их самооценку. Когда возникает ревность, индивиды, вероятнее всего, будут сравнивать себя с конкурентом. Такое принудительное сравнение угрожает самооценке. Еще более важно, что ревнивые индивиды полагают, что их партнеры сравнивают их с конкурентом и что они так или иначе были не в состоянии «оправдать надежды». Наиболее травматической ситуацией является та, при которой индивид располагает информацией, что его партнер романтически более сильно увлечен другим, чем им самим. Такая информация особенно угрожающа для самооценки, потому что романтические партнеры обычно знают друг друга достаточно хорошо, показали друг другу свои сильные и слабые стороны и полагаются друг на друга для обеспечения поддержки.

Кроме того, по результатам исследований было сделано заключение, что коммуникационные реакции индивидов могут оказывать большее влияние на характеристики отношений, чем просто переживания одной только ревности. Одно из потенциальных преимуществ коммуникации состоит в том, что она не только напрямую влияет на результаты отношений, но и помогает удовлетворить цели редукции неопределенности. В частности, разъясняя и обсуждая события, которые привели к увеличению неопределенности, партнеры по отношениям могут уменьшить сомнения в статусе их отношений, получить гарантию преданности их партнера и тем самым повысить удовлетворенность отношениями. Другое преимущество коммуникации состоит в том, что индивиды могут регулировать свои психологические переживания ревности. Например, у индивида, который чувствует ревность, но отказывается вступать в диалог или отрицает коммуникацию о переживаниях, ревность может усиливаться из-за сохранения, а возможно, и увеличения неопределенности. В то время как тот индивид, который вступает в коммуникацию о ситуации, может уменьшить или разъяснить как собственные, так и ревнивые чувства партнера.

Таким образом, ревность — не только интраличностное переживание, это часто определенные действия, паттерн поведения. Люди отвечают на ревность партнера и справляются с ней множеством путей [31, 32].

Нет сомнения, что редукция неопределенности, поддержание отношений и восстановление самооценки являются важными когнитивными и поведенческими реакциями копинга с романтической ревностью, которые представляют собой попытки изменить или влиять на самость, партнера, отношения или ситуацию в целом. Стратегии преодоления можно условно сгруппировать в четыре широких категории. Первая категория — действия, направленные на изменение отношений, сосредотачиваются на том, чтобы повышать ценность позитивной связи. Это действия, связанные с восстановлением близости и доверия или трансформацией конкурирующих отношений таким образом, чтобы контакты партнера больше не угрожали основным отношениям. Вторая категория — когнитивная переоценка — включает когнитивные процессы, предназначенные для того, чтобы поддержать чувство собственного достоинства или снизить неопределенность с помощью преуменьшения важности основных отношений, переоценки ситуации или улучшения себя. Третья категория — расширение социальных сетей — сосредотачивается на том, чтобы восстанавливать уважение самости, обращаясь к другим за поддержкой. Наконец, уклонение / отрицание может также служить сохранению самооценки, блокируя связанные с ревностью эмоции и когниции.

За исключением нескольких реакций, большинство названных стратегий представляют собой когнитивные реакции и коммуникации, однако вне взаимодействия партнеров по отношениям. Вместе с тем ревнивые реакции чаще всего возникают в результате нарушения межличностных отношений, что предполагает наличие коммуникационных реакций на ревность, нацеленных непосредственно на партнера по отношениям. В целом эти коммуникационные реакции могут быть разделены на две главные категории, основанные на позитивной или негативной валентности коммуникации. Позитивные коммуникационные реакции включают пересмотр правил и границы отношений, совместное с партнером обсуждение переживаний ревности и выслушивание объяснений, усиление невербального сближения. Вторая категория включает коммуникацию, сопровождающуюся агрессией и негативизмом. Сюда относятся обвинения, нытье или жалобы, выражение угрозы и обращение к долгу, моральным обязательствам, сарказм, поиск путей отмщения, формирование

чувства вины, бросание предметов или, наоборот, создание атмосферы «гробового молчания».

Учитывая диапазон потенциальных реакций на ревность, Л. К. Guergero с коллегами [33] разработали таксономию реакций на ревность, разделенную на две широкие категории — интерактивные и поведенческие.

Реакции на ревность классифицировались как интерактивные, если партнеры по отношениям либо участвуют во взаимодействии лицом к лицу, либо сосредотачиваются на том, чтобы избежать непосредственного взаимодействия друг с другом. Были определены шесть типов интерактивных реакций на ревность:

активное дистанцирование (АД) — выражение неприязни, игнорирование партнера, уменьшение привязанности к нему;

негативная аффективная экспрессия (НАЭ) — демонстрация негативных эмоций;

интегративная коммуникация (ИК) — прямая, просоциальная коммуникация с партнером, попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером;

дистрибутивная коммуникация (ДК) — прямая, асоциальная коммуникация с партнером, попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнером;

избегание / отрицание (ИО) — непрямые действия, предпринимаемые, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью;

насильственная коммуникация / угрозы (НКУ) — прямые, агрессивные вербальные и невербальные угрозы или фактическое насилие над партнером.

Поведенческие реакции на ревность не всегда предполагают межличностное взаимодействие. Были определены следующие некоммуникативные (общие) реакции на ревность:

контроль / ограничение (КО) — действия, используемые для того, чтобы контролировать поведение партнеров и ограничить их доступ к конкурентам;

компенсация / замещение (КЗ) — попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для него;

манипуляция (М) — действия, предназначенные для того, чтобы вызвать негативные переживания у партнера и / или возложить на него ответственность за изменение ситуации;

контакт с соперником (КС) — активная коммуникация с конкурентом, попытки противостоять сопернику.

Для диагностики реакций на ревность использовался русскоязычный вариант методики CRJ (Communicative Responses to Jealousy), разработанный

ной Л. К. Guerrego и коллегами [33] и адаптированный и валидизированный И. А. Фурмановым и А. О. Вергейчик [34]. Данный опросник состоит из 52 суждений, каждое из которых оценивается по 7-балльной шкале Лайкерта.

В исследовании приняло участие 737 человек (мужчины, N = 333; женщины, N = 404) в возрасте 18—30 лет (N = 651) и 31—50 лет (N = 86), находящихся в романтических (N = 566) и супружеских (N = 171) отношениях.

Для статистической обработки результатов исследования использовался пакет SPSS.13 (рассчитывались среднее, стандартное отклонение, критерий U Манна—Уитни).

Результаты и их обсуждение

Половые различия

Сопоставление иерархий реакций на ревность дало возможность выявить, что вне зависимости от пола доминирующее положение занимают такие реакции, как интегративная коммуникация и компенсация / замещение. Вместе с тем в группу доминирующих реакций также входят у мужчин — избегание / отрицание, а у женщин — негативная аффективная экспрессия, избегание / отрицание и активное дистанцирование.

Интегративные реакции считаются самыми прямыми, но не угрожающими [33]. Они позволяют индивидам открыто обсуждать переживания ревности в неагрессивной манере, а также являются более выгодной стратегией для уменьшения или предотвращения возникновения ситуаций, связанных с ревностью, в будущем. Примечательно, что интегративная коммуникация связана с низким уровнем неопределенности. Это предполагает, что партнеры, которые испытывают большую уверенность в своих чувствах, чаще используют интегративную стратегию, например, раскрытие ревнивых чувств. Кроме того, интегральная коммуникация имеет первостепенную значимость для редукции неопределенности, потому что партнеры открыто обсуждают ситуацию, связанную с чувствами и потенциальными отношениями.

Таким образом, как мужчины, так и женщины в ситуации ревности отдают предпочтение действиям, направленным на решение возникших проблем через конструктивное взаимодействие с партнером, обсуждение ситуации, проявляют готовность идти на уступки с целью удержания партнера.

Сравнительный анализ позволил установить, что мужчины в сравнении с женщинами (рис. 1) имеют достоверно значимые более высокие показатели таких реакций на ревность, как контроль / ограничение ($p \leq .001$) и контакт с соперником

($p \leq .001$), и более низкие показатели активного дистанцирования ($p \leq .001$), негативной аффективной экспрессии ($p \leq .001$) и дистрибутивной коммуникации ($p \leq .001$).

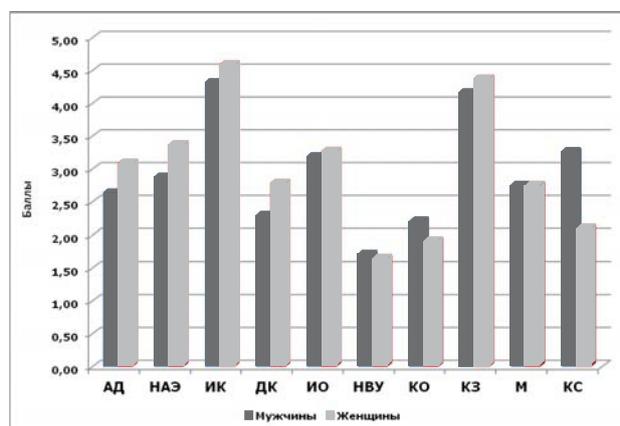

Рисунок 1 — Половые различия в коммуникационных реакциях на ревность

В зависимости от пола интенсивность реакций на ревность у мужчин несущественно ниже, чем у женщин ($p = .063$).

Иными словами, мужчины в ситуации провокации ревности чаще, чем женщины, предпринимают действия, которые позволяют контролировать поведение партнеров и ограничить их доступ к конкурентам (проверяют звонки, SMS-сообщения на телефоне и местонахождение партнера, устраивают проверку, слежку, часто звонят партнеру и пр.), а также вступают в активную коммуникацию с конкурентом, совершают попытки противостоять сопернику (угрожают, оказывают сопротивление конкуренту).

Женщины чаще выражают неприятие, игнорирование партнера, стараются уменьшить степень привязанности к нему (физически отдаляются от партнера, устраивают ему «молчаливый бойкот», пресекают попытки или требования общения и др.), демонстрируют негативные эмоции (выражают свое недоверие, негодование, досаду и печаль в присутствии партнера, обижаются, плачут и др.), а также вступают в прямую асоциальную коммуникацию с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнером (начинают сомневаться в поступках и чувствах партнера, кричать, ругаться, делать обидные, оскорбительные, обвинительные замечания, проявлять грубость, ссориться или спорить и др.).

Активное дистанцирование и избегание / отрицание, которые преобладают у женщин, по своей природе хотя и являются косвенными и не угрожающими коммуникационными реакциями, как

показали исследования, обратно пропорционально связаны с удовлетворенностью отношениями [33]. Одна из причин такой взаимосвязи видится в нехватке коммуникации о переживаниях ревности, которая не уменьшает неопределенность и приводит к более сильным негативным чувствам в отношении партнера. Дистрибутивные и насильственные коммуникационные стратегии являются стратегиями прямыми и угрожающими. Именно поэтому их часто считают самыми негативными коммуникационными действиями, которые обратно пропорционально связаны с удовлетворенностью отношениями [8]. Использование угроз в отношениях влечет за собой стремление к завершению / уменьшению отношений или неверности [33]. Угрозы в отношениях также негативны для отношений еще и потому, что не решают проблемы неопределенности ситуации.

Можно обратить внимание, что существенное различие в стратегиях совладания с ревностью между мужчинами и женщинами состоит в том, что активность мужчин направлена на конкурента, а у женщин — на партнера. Вероятно, данное различие можно объяснить разницей во взглядах на ситуацию ревности, которая обусловлена особенностями социализации и гендерных отношений между мужчинами и женщинами.

Как показывают исследования, в ситуации ревности мужчины чаще выбирают стратегии, обеспечивающие поддержание самооценки [35, 36]. С точки зрения биологической теории уровень самооценки у мужчин в гендерных отношениях напрямую связан с завоеванием и сохранением положения «доминирующего самца». В связи с этим появление любого другого претендента на эту роль воспринимается и оценивается мужчиной как угроза Я-концепции, требующая устранения. В таксономии сохранения сексуального партнера R. Thornhill и J. Alcock [37] такая тактика получила название физического предотвращения поглощения другими мужчинами. Она, во-первых, включает поддержание тесного контакта с сексуальным партнером и, во-вторых, предотвращение вмешательства других мужчин. Отражение вмешательства может включать отваживание других мужчин, «строительство забора» вокруг женщин и «выталкивание» других мужчин из круга общения.

В подтверждение этого было определено, что мужчины более вероятно, чем женщины, будут демонстрировать опасные, сексуально агрессивные и собственнические действия [38, 39]. Собственническая ревность предполагает конкретные действия, предназначенные предотвратить контакт партнера с третьим лицом (даже в ответ на возможную его неверность). Кроме этого, сила агрес-

сии, направленной на соперника, будет еще определяться и субъективной значимостью, ценностью для мужчины его «самки».

Возможно, существует и другая угроза, мотивирующая мужчин к контактам с соперником. Мужчина, в отличие от женщины, никогда не может со стопроцентной уверенностью знать, что именно он будет или является отцом собственного потомства [27]. Поэтому проблема, с которой сталкивается заботящийся о собственном потомстве мужчина, состоит в том, чтобы гарантировать, что он потратил свои ресурсы только на генетически своих детей. В связи с этим он будет всячески стремиться к тому, чтобы минимизировать угрозу, препятствуя любым гетеросексуальным связям своей партнерши, тем самым исключая даже гипотетические ситуации неверности. Мужчина также хочет быть уверенным в том, что его ресурсы (например, деньги, время, подарки и пр.), инвестированные в женщину, являются продуктивными. В этом случае проявление бдительности, сокращение круга претендентов и устранение соперника — наиболее эффективные способы действий.

Вместе с тем результаты исследований J. Bryson [35] свидетельствуют, что в ситуации ревности женщины чаще выбирают стратегии, обеспечивающие сохранение отношений. В отличие от мужчины, женщина всегда знает, что потомство, которое она родила, является ее собственным. Поэтому неверность сексуального партнера не представляет такую угрозу, как для мужчин. Для женщин угроза состоит в другом — в том, что если их сексуальный партнер станет привязанным к другой женщине, то он может решить направить свои ресурсы на воспитание ребенка от той женщины, а не их совместного ребенка. Потеря ресурсов ее сексуального партнера может означать для женщины угрозу для выживания, существования и обеспечения ее генетического ребенка и ее самой. В рамках эволюционной психологии даже предполагается, что женщины генетически предрасположены и мотивированы к совершению действий, препятствующих привязанности их сексуального партнера к другим женщинам [27]. В связи с этим усилия женщин будут направляться на сохранение и удержание мужчины, который инвестирует в их потомство.

Помимо этого мужчины и женщины испытывают ревность по-разному. Дело не в частоте, продолжительности или интенсивности, а в эмоциональных и физических симптомах проявления ревности. Были обнаружены значимые и устойчивые гендерные различия в физических и эмоциональных реакциях на ревность. В большинстве случаев женская ревность была связана с большим

количеством признаков дистресса. Одна из главных причин женской ревности — страх относительно повторного брака их мужа или страх относительно потери их мужей. В ситуации ревности женщины чувствовали себя более раздраженными, более возбужденными и более неуверенными. Они также сообщали о большей степени незащищенности, боли, страха потери, неполноценности и эмоционального истощения, чем мужчины. Более интенсивный по сравнению с мужчинами дистресс женщин в ситуациях, вызывающих ревность, возможно, объясняется тем, что его выражение в виде переживаний страдания, горя, мучений более социально приемлемый способ реагирования. Мужчины могут испытать такой же дистресс, как и женщины, однако не выражают его открыто из-за социальных норм, которые заставляют их казаться слабыми и уязвимыми [40].

Вследствие того, что женщины более эмоционально реактивны в стимулирующих ревность ситуациях, в ответ на обнаружение неверности женщины более вероятно, чем мужчины, прибегнут к физической и вербальной агрессии в отношении своих неверных сексуальных партнеров или супругов [29].

Возрастные различия

Сравнительный анализ иерархий реакций на ревность дал возможность выявить, что у представителей первой возрастной группы доминирующее положение занимает такая реакция, как интегративная коммуникация. В то время как у представителей второй возрастной группы — компенсация / замещение. Вместе с тем в группу доминирующих реакций также входят у представителей первой возрастной группы компенсация / замещение, избегание / отрицание и негативная аффективная экспрессия, а у представителей второй возрастной группы — интегративная коммуникация, избегание / отрицание, негативная аффективная экспрессия и активное дистанцирование.

Таким образом, представители первой возрастной группы в ситуации ревности в первую очередь отдадут предпочтение действиям, направленным на решение возникших проблем через конструктивное взаимодействие с партнером, обсуждение ситуации, а представители второй возрастной группы — проявляют готовность идти на уступки с целью удержания партнера, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для него.

Здесь следует обратить внимание, что существенное различие в стратегиях совладания с ревностью между представителями первой и второй возрастных групп состоит в том, что активность

первых направлена на налаживание продуктивной коммуникации с партнером, а вторых — на изменение собственного поведения.

Было установлено, что представители первой возрастной группы в сравнении с представителями второй (рис. 2) имеют достоверно значимые более высокие показатели таких реакций на ревность, как интегральная коммуникация ($p \leq .001$), насильственная коммуникация / угрозы ($p \leq .001$), манипуляция ($p = .026$), контакт с соперником ($p = .003$) и более низкие показатели активного дистанцирования ($p = .045$), компенсации/замещения ($p = .005$).

В зависимости от возраста интенсивность реакций на ревность у представителей первой возрастной группы не существенно выше, чем у представителей второй возрастной группы ($p = .54$).

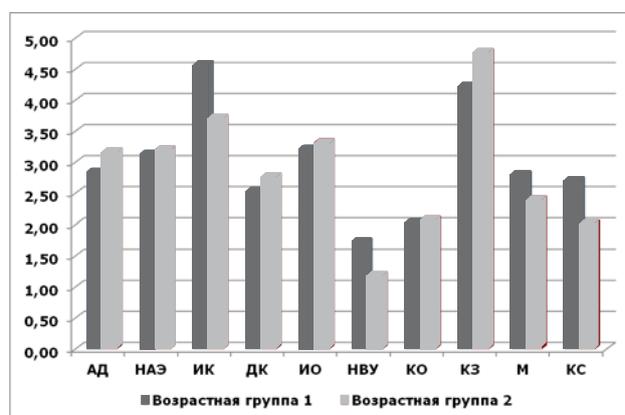

Рисунок 2 — Возрастные различия в коммуникационных реакциях на ревность

Таким образом, чем младше индивиды, включенные в ревнивые отношения, тем чаще они прибегают к прямой просоциальной коммуникации с партнером и предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером (объясняют свои чувства, рассказывают о своей ревности партнеру, обсуждают волнующие проблемы, стараются поговорить о проблеме и достичь понимания).

Вместе с тем они более склонны к действиям, предназначенным вызвать негативные переживания у партнера и / или возложить на него ответственность за изменение ситуации (заставляют партнера испытывать ревность, предпринимают попытки отомстить, устраивают проверки на верность, делают так, чтобы партнер чувствовал вину), к использованию прямых агрессивных вербальных и невербальных угроз или совершению фактического насилия над партнером (угрожают навредить своему партнеру, применяют физиче-

скую силу и др.), а также к активной коммуникации с конкурентом, попыткам противостоять сопернику.

С возрастом у индивидов, включенных в ревнивые отношения, усиливаются тенденции выражения неприятия, игнорирования партнера, уменьшения привязанности к нему или, наоборот, предпринимаются попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для него.

Следует отметить, что в литературе не обнаружено сколько-нибудь убедительных объяснений возрастных различий в реакциях на ситуацию ревности, а те, которые обнаружены, являются очень разноречивыми.

В частности, в одних исследованиях было установлено, что возраст не определял половые различия в ревности [41].

Эволюционный подход предполагает, что половые различия в ревности будут повторяться в более старшем, взрослом возрасте, но эти различия могут быть меньшими по интенсивности, чем в младших возрастах [42, 43].

В частности, было установлено, что реакции более молодых и пожилых мужчин отличались незначительно. Вместе с тем отмечается, что мужчины более старшего возраста «охраняют» пожилых женщин меньше, чем более молодых женщин [44]. Кроме того, для мужчин более старшего возраста, находящихся в партнерских (супружеских) отношениях с женщинами, имеющими от них потомство, или постпродуктивного возраста, в сравнении с более молодыми мужчинами существенно снижается угроза генетического «наставления рогов» [45].

Примерно те же тенденции наблюдаются и у женщин. Женщины старшего возраста, возможно, имеют потомство, которое менее зависимо от обеспечения их партнеров. В связи с этим с возрастом снижается угроза потери ресурсной поддержки и инвестиций со стороны мужчины [42, 43].

Иными словами, с возрастом как у мужчин, так и у женщин происходит понижение ценности партнера. Этот факт подтверждается результатами проведенного исследования: в частности, значительно более частым проявлением такой реакции, как активное дистанцирование, и менее частыми контактами с соперником.

Ролевые различия

Сопоставление иерархий реакций на ревность дало возможность выявить, что вне зависимости от ролевого статуса индивидов доминирующее положение занимают такие реакции, как интегративная коммуникация и компенсация / замеще-

ние. Вместе с тем в группу доминирующих реакций также входят индивиды, находящиеся в романтических отношениях — избегание / отрицание и негативная аффективная экспрессия, а у индивидов, находящихся в супружеских отношениях — избегание / отрицание и контакт с соперником.

Сравнительный анализ позволил установить, что индивиды, находящиеся в романтических отношениях, в сравнении с индивидами, находящимися в супружеских отношениях (рис. 3), имеют достоверно значимые более высокие показатели таких реакций на ревность, как интегративная коммуникация ($p \leq .001$), избегание / отрицание ($p = .042$), компенсация / замещение ($p = .01$) и более низкие показатели контакта с соперником ($p = .004$).

В зависимости от роли интенсивность реакций на ревность у индивидов, находящихся в романтических отношениях, существенно выше, чем у индивидов, находящихся в супружеских отношениях ($p = .03$), что согласуется с данными других исследований. В частности, в них было установлено, что для партнеров, находящихся в браке и длительных преданных, скрепленных обязательствами отношениях, переживание ревности является менее распространенным [8, 20, 33]. Романтическая ревность более распространена у молодых партнеров, строящих свои взаимоотношения время от времени, например, только в период свиданий.

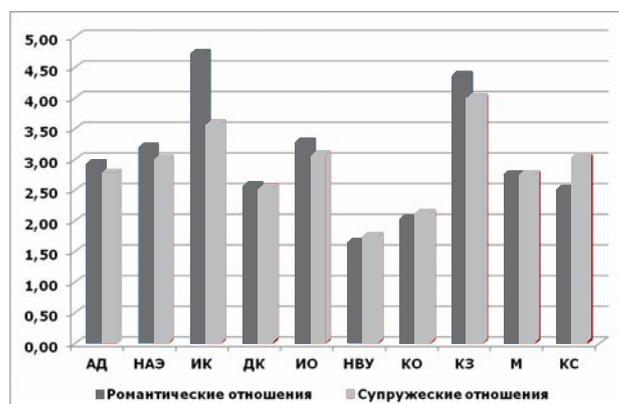

Рисунок 3 — Ролевые различия в коммуникационных реакциях на ревность

Из выше изложенного следует, что индивиды, находящиеся в романтических отношениях, в ситуации ревности чаще используют прямую просоциальную коммуникацию с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером, совершают не прямые действия, с тем чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью (предпринимают попытки сохранить спо-

койствие, делают вид, будто ничего не случилось, не признаются себе, что ревнуют, делают вид, что им все равно), а также производят попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для него.

В свою очередь индивиды, находящиеся в супружеских отношениях, чаще отдают предпочтение активной коммуникации с конкурентом, действиям, направленным на противостояние сопернику.

Здесь можно обратить внимание, что партнеры, находящиеся в супружеских отношениях, отличаются более низкими потребностями в конструктивном взаимодействии с партнером, компенсации / замещении и более сильным стремлением оградить свои отношения от вмешательства реальных или вероятных конкурентов, сохранить ощущение защищенности и безопасности. Таким образом, как нам кажется, акцент смещается с ценности партнера на ценность отношений.

Выявленные различия могут быть объяснены с точки зрения теории редукции неопределенности [46, 47]. Согласно данной теории многообразные ситуации, связанные с ревностью, могут быть сопряжены с различной степенью неопределенности о себе, партнере и / или отношениях, создавая сомнение и тем самым стимулируя определенные коммуникационные реакции. Иными словами, в ситуациях с высокой неопределенностью партнеры пытаются ее снизить, вступая в коммуникацию.

В связи с тем, что существуют различия в степени неопределенности, связанной с типом отношений, было сделано предположение, что находящиеся в браке, серьезно встречающиеся и встречающиеся время от времени партнеры будут по-разному испытывать и выражать ревность [8, 20, 48, 49, 50]. Во время начальных стадий отношений степень неопределенности в целом выше, чем тогда, когда отношения основываются на взаимной преданности и долженствовании, как, например, в браке [51]. В частности, партнеры, строящие взаимоотношения от свидания к свиданию, будут, более вероятно, иметь большую неопределенность по поводу своих собственных желаний оставаться включенным в эти отношения (самонеопределенность), желаний их партнера продолжать отношения (неопределенность партнера) и / или норм отношений вообще (неопределенность отношений). Хотя брачные отношения обычно отличаются меньшей неопределенностью, чем периодические взаимоотношения, исследования показывают, что реакции ревности, вызванные ситуацией неопределенности, могут возникать и между партнерами, находящимися в браке, особенно когда пара отличается низким уровнем близости отношений [51, 52].

У романтических партнеров во время свидания или случайных встреч история взаимоотношений, вероятно, будет более короткой, чем у партнеров, находящихся в браке, и поэтому они, скорее всего, будут обладать меньшим опытом продуктивного взаимодействия для проговаривания своих ревнивых чувств или обсуждения ситуации, выявляющей ревность. Исследования показывают, что уровень неопределенности в отношениях был значимо связан с прямотой и откровенностью коммуникации между партнерами [48]. Было также определено, что когда люди не уверены в преданности своего партнера по отношению, они, более вероятно, будут испытывать опасения в выражении ревности из-за страха разрушить эти отношения. Кроме того, более высокая неопределенность имеет тенденцию быть связанной с более негативными способами управления ситуацией, вызывающей ревность [48, 52].

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Вне зависимости от пола, возраста и роли в партнерских отношениях в ситуации ревности чаще всего используются интерактивная реакция интегративной коммуникации и поведенческая реакция компенсации / замещения.

Интенсивность реакций на ревность не зависит от пола и возраста партнеров. Вместе с тем в зависимости от роли интенсивность реакций на ревность у индивидов, находящихся в романтических отношениях, существенно выше, чем у индивидов, находящихся в супружеских отношениях.

Существенное различие в стратегиях совладания с ревностью между мужчинами и женщинами состоит в том, что активность мужчин направлена на конкурента, а у женщин — на партнера.

Существенное различие в стратегиях совладания с ревностью между представителями первой и второй возрастных групп состоит в том, что активность первых направлена на налаживание продуктивной коммуникации с партнером, а вторых — на изменение собственного поведения. С возрастом как у мужчин, так и у женщин происходит понижение ценности партнера. Этот факт подтверждается результатами проведенного исследования: в частности, значительно более частым проявлением такой реакции, как активное дистанцирование, и менее частыми контактами с соперником.

Партнеры, находящиеся в супружеских отношениях, отличаются более низкими потребностями в конструктивном взаимодействии с партнером, компенсации / замещении и более сильным стремлением оградить свои отношения от вмешательства реальных или вероятных конкурентов,

сохранить ощущение защищенности и безопасности. Таким образом, акцент смещается с ценности партнера на ценность отношений.

Список цитированных источников

1. *Buunk, B. P.* Jealousy as a function of rival characteristics and type of infidelity / B. P. Buunk, P. Dijkstra // *Personal Relationships*. — 2004. — Vol. 11(4). — P. 395–409.
2. *Dijkstra, P.* Jealousy as a function of rival characteristics: An evolutionary perspective / P. Dijkstra, B. P. Buunk // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 1998. — Vol. 24. — P. 1158–1166.
3. *Barnett, O. W.* Jealousy and romantic attachment in maritally violent and nonviolent men / O. W. Barnett, T. E. Martinez, B. Bluestein // *J. of Interpersonal Violence*. — 1995. — Vol. 10. — P. 473–486.
4. *Buss, D. M.* The dangerous passion: Why jealousy is as necessary as love and sex / D. M. Buss. — New York, 2000.
5. *Puente, S.* Jealousy and the meaning (or nonmeaning) of violence / S. Puente, D. Cohen // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2003. — Vol. 29(4). — P. 449–460.
6. *Banfield, S.* Extra relationship involvement among women: Are they different from men? / S. Banfield, M. McCabe // *Archives of Sexual Behavior*. — 2001. — Vol. 30. — P. 119–142.
7. *White, G. L.* Jealousy and partner's perceived motives for attraction to a rival / G. L. White // *Social Psychology Quarterly*. — 1981. — Vol. 44. — P. 24–30.
8. *A.* Romantic jealousy and relational satisfaction: A look at the impact of jealousy experience and expression / P. A. Andersen [et al.] // *Communication Reports*. — 1995. — Vol. 8. — P. 77–85.
9. *Barnett, O. W.* Jealousy and romantic attachment in maritally violent and nonviolent men / O. W. Barnett, T. E. Martinez, B. Bluestein // *J. of Interpersonal Violence*. — 1995. — Vol. 10. — P. 473–486.
10. *Buunk, B. P.* Jealousy in close relationships: An exchange theoretical perspective / B. P. Buunk // P. Salovey (Ed.), *Psychological perspectives on jealousy and envy* New York, 1991. — P. 148–177.
11. *Shackelford, T. K.* Marital satisfaction and spousal costinflation / T. K. Shackelford, D. M. Buss // *Personality and Individual Differences*. — 2000. — Vol. 28. — P. 917–928.
12. *Barelds, D. P. H.* Reactive, anxious and possessive forms of jealousy and their relation to relationship quality among heterosexuals and homosexual / D. P. H. Barelds, P. Dijkstra // *J. of Homosexuality*. — 2006. — Vol. 51(3). — P. 183–198.
13. *Mathes, E. W.* Jealousy and romantic love: A longitudinal study / E. W. Mathes // *Psychological Reports*. — 1985. — Vol. 58. — P. 885–886.
14. *Rydell, R. J.* Jealousy and commitment: Perceived threat and the effect of relationship alternatives / R. J. Rydell, A. R. McConnell, R. G. Bringle // *Personal Relationships*. — 2004. — Vol. 11(4). — P. 451–469.
15. *White, G. L.* Jealousy: Theory, research, and clinical strategies / G. L. White, P. E. Mullen. — New York, 1989. — P. 13.
16. *Duck, S. W.* Human relationships / S. W. Duck. — 2nd ed. — Newbury Park, 1992. — P. 51.
17. *Sousa, C.* Teen Dating Violence. The Hidden Epidemic / C. Sousa // *Family and Conciliation Courts Review*. — 1999. — Vol. 37(3). — P. 356–374.
18. *Клецина, И. С.* Психология гендерных отношений: теория и практика / И. С. Клецина. — СПб., 2004. — С. 286–290.
19. *Hers or his?* The experience and communication of jealousy in close relationships / L. K. Guerrero [et al.] // *Interpersonal communication: Evolving interpersonal relationships* / ed. P. Kalbfleisch. — Hillsdale, 1993. — P. 109–132.
20. *Aylor, B. M.* Antecedents in romantic jealousy experience, expression, and goals / B. Aylor, M. Dainton // *Western J. of Communication*. — 2001. — Vol. 65. — P. 370–391.
21. *Knobloch, L. K.* Information seeking beyond initial interactions: Negotiating relational uncertainty within close relationships / L. K. Knobloch, D. H. Solomon // *Human Communication Research*. — 2002. — Vol. 28. — P. 243–257.
22. *Kennedy-Lightsey, C.* Responses to jealousy situations that evoke uncertainty in married and dating relationships / C. Kennedy-Lightsey, M. Booth-Butterfield // *Communication Quarterly*. — 2011. — Vol. 59. — P. 255–275.
23. *Buunk, B.* Jealousy in sexually open marriages / B. Buunk // *Alternative Lifestyles*. — 1981. — Vol. 4. — P. 357–372.
24. *Buunk, B.* Strategies of jealousy: Styles of coping with extra marital involvement of the spouse / B. Buunk // *Family Relations*. — 1982. — Vol. 31. — P. 13–18.
25. *Hupka, R. B.* Cultural determinants of jealousy / R. B. Hupka // *Alternative Lifestyles*. — 1981. — Vol. 4. — P. 310–356.
26. *Hupka, R. B.* The motive for the arousal of romantic jealousy: its cultural origin / R. B. Hupka // *The psychology of jealousy and envy* / ed. P. Salovey. — New York, 1991. — P. 252–270.
27. *Buss, D. M.* Sex differences in jealousy: Evolution, physiology, and psychology / D. M. Buss, [et al.] // *Psychological Science*. — 1992. — Vol. 3. — P. 251–255.
28. *Mathes, E. W.* Jealousy, romantic love, and liking: Theoretical considerations and preliminary scale development / E. W., Mathes, N. Severa // *Psychol. Reports*. — 1981. — Vol. 49. — P. 23–31.
29. *De Weerth, C.* Female aggression as a response to sexual jealousy: A sex role reversal? / C. De Weerth, A. P. Kalma // *Aggressive Behavior*. — 1993. — 19. — P. 265–279.
30. *Hansen, G. L.* Perceived threats and marital jealousy / G. L. Hansen // *Social Psychology Quarterly*. — 1985. — Vol. 48. — P. 262–268.
31. *Buunk, B. P.* Extradysadic relationships and jealousy / B. P. Buunk, P. Dijkstra // *Close relationships: A sourcebook* / eds. C. Hendrick, S. S. Hendrick. Thousand Oaks Sage, 2000. — P. 317–330.
32. *McIntosh, E. G.* Use of direct coping resources in dealing with jealousy / E. G. McIntosh, C. O. Matthews // *Psychol. Reports*. — 1992. — Vol. 70. — P. 1037–1038.
33. *Guerrero, L. K.* Coping with the green-eyed monster: Conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy / L. K. Guerrero [et al.] // *Western J. of Communication*. — 1995. — Vol. 59. — P. 270–304.
34. *Фурманов, И. А.* Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» / И. А. Фурманов, А. О. Вергейчик // *Психол. журн.* — 2012. — № 1–2 (31–32). — С. 81–89.
35. *Bryson, J.* Modes of Response to Jealousy Evoking Situations / J. Bryson // *The Psychology of Jealousy and Envy* / ed. P. Salovey. — New York, 1991. — P. 178–210.
36. *Rusbult, C. E.* Responses to dissatisfaction in close relationships: the exit-voice-loyalty-neglect model /

- C. E. Rusbult // Intimate relationships: Development, dynamics, and deterioration / eds. D. Perlman, S. W. Duck. — Beverly Hills, 1987. — P. 209—237.
37. *Thornhill, R.* The Evolution of Insect Mating Systems / R. Thornhill, J. Alcock. — Cambridge, 1983.
38. *Guerrero, L. K.* Expressing emotion: Sex differences in social skills and communicative responses to anger, sadness, and jealousy / L. K. Guerrero, R. L. Reiter // Sex differences and similarities in communication / eds. D. J. Canary, K. Dindia. — Mahwah, 1998. — P. 321—350.
39. *Easton, J. A.* Morbid jealousy and sex differences in partner-directed violence / J. A. Easton, T. K. Shackelford // Human Nature. — 2009. — Vol. 20. — P. 342—350.
40. *Pines, A. M.* Gender Differences in Romantic Jealousy / A. M. Pines, A. Friedman // The Journal of Social Psychology. — 1998. — Vol. 138 (1). — P. 54—71.
41. *Voracek, M.* Marital Status as a Candidate Moderator Variable of Male-Female Differences in Sexual Jealousy: the Need for Representative Population Samples / M. Voracek // Psychol. Reports. — 2001. — Vol. 88. — P. 553—566.
42. *Buss, D. M.* From Vigilance to Violence: Mate Retention Tactics in Married Couples / D. M. Buss, T. K. Shackelford // J. of Personality and Social Psychology. — 1997. — Vol. 72. — P. 346—361.
43. *Flinn, M.* Mate Guarding in a Caribbean Village / M. Flinn // Ethology and Sociobiology. — 1988. — Vol. 9. — P. 1—28.
44. *Shackelford, T. K.* Romantic jealousy in early adulthood and in later life / T. K. Shackelford [et al.] // Human Nature. — 2004. — Vol. 15 (3). — P. 283—300.
45. *Shackelford, T. K.* Wife Killing: Risk to Women as a Function of Age / T. K. Shackelford. Shackelford, T. K., D. M. Buss, J. Peters // Violence and Victims. — 2000. — Vol. 15. — P. 273—282.
46. *Berger, C. R.* Some explorations in initial interactions and beyond: Toward a development theory of interpersonal communication / C. R. Berger, R. J. Calabrese // Human Communication Research. — 1975. — Vol. 1. — P. 99—112.
47. *Berger, C. R.* Uncertain outcome values in predicted relationships: Uncertainty reduction theory then and now / C. R. Berger // Human Communication Research. — 1986. — Vol. 13. — P. 34—38.
48. *Afifi, W. A.* Understanding the role of uncertainty in jealousy experience and expression / W. A. Afifi, T. Reichert // Communication Reports. — 1996. — Vol. 9. — P. 93—103.
49. *Dainton, M. A.* relational uncertainty analysis of jealousy, trust, and maintenance in long distance versus geographically close relationships / M. Dainton, B. Aylor // Communication Quarterly. — 2001. — Vol. 49. — P. 172—188.
50. *Guerrero, L. K.* Relational satisfaction and jealousy across marital types / L. K. Guerrero, S. V. Eloy // Communication Reports. — 1992. — Vol. 5. — P. 23—31.
51. *Knobloch, L. K.* Intimacy and the magnitude and experience of episodic relational uncertainty within romantic relationships / L. K. Knobloch, D. Solomon // Personal Relationships. — 2002. — Vol. 9. — P. 457—478.
52. *Guerrero, L. K.* Jealousy experience and expression in romantic relationships / L. K. Guerrero, P. A. Andersen // Handbook of communication and emotion: Theory, research, applications, and contexts / eds. P. A. Andersen, L. K. Guerrero. — San Diego, 1998. — P. 155—188.

Дата поступления в редакцию: 19.05.2015 г.